

Глагольный вид в македонском диалекте Бобоштицы-Дреновы и албанско-славянские контакты¹

Максим Макартцев

1. Введение

Македонский и албанский языки, с одной стороны, входят в балканский языковой союз и на уровне стандартных языков и большинства диалектов соответствующих диасистем сочетают ряд структурных сходжений конвергентного характера (балканизмов), с другой – имеют ряд антидонационных структурных особенностей, или «антибалканизмов» – «максимально трудно заимствуемых и калькируемых в другие языки» (Соболев 2011: 186-187)². Конвергенция балканских языков, которая привела к возникновению балканского языкового союза, обычно описывается как их стремление ко всё большей взаимной близости («балканизация» в лингвистическом смысле – Lindstedt 2000), что связано с типологически редкой ситуацией недоминантного билингвизма ряда языков, участвующих в языковом союзе («без асимметричного доминирования и масштабных языковых сдвигов, но скорее с многосторонним, чем с однонаправленным билингвизмом и многоязычием» – Thomason, Kaufman 1988: 95).

Своеобразным подтверждением уникальности такой ситуации является поведение балканских диалектов в инобалканском окружении, которые оказываются в условиях доминантного (однонаправленного) билингвизма.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Немецкого научного общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft, GZ: MA 8750/1-1) «Kontaktinduzierter Sprachwandel in Situationen des nicht-stabilen Bilinguismus – seine Grenzen und Modellierung: slavische (soziale) Dialekte in Albanien».

² Хотя оба эти языка индоевропейские, македонский относится к славянской группе, в то время как албанский представляет собой особую группу в рамках индоевропейской языковой семьи, продолжая по всей видимости один из палеобалканских языков.

Потенциально влияние доминирующего балканского языка на субдоминантный может усиливать и балканизирующие тенденции³. Однако в ряде случаев направление языковых изменений находится как бы в другой плоскости по отношению к балканизирующим тенденциям и субдоминантный язык конвергирует в сторону доминирующего языка, никак не получая более выраженного балканского характера.

В настоящей статье на материале островного македонского диалекта сёл Бобоштица и Дренова в Юго-Восточной Албании (корчанский диалект < юго-восточное македонское наречие, Видоески 1998: 348-349)⁴, в течение нескольких поколений развивавшегося под интенсивным албанским влиянием, я хотел бы показать, как в результате языковых контактов перестраивается специфическая славянская система глагольного вида (см. описание славянской системы в Вгеу 2009). Эта категория «с размытым общим значением предельности действия, выражаемая корневой морфемой или суффиксально (серб. *Ipf. padati* „падать“ vs. *Pf. pasti* „упасть“, болг. *Ipf. č'ist' a* „чистить“ vs. *Pf. plat' a* „платить“») относится к числу антибалканизмов (Соболев 2011: 189-190), т.е. обычно максимально сопротивляется заимствованию в другие балканские языки или исчезновению под инобалканском влиянием.

Формальные средства выражения вида в албанском языке значительно отличаются от славянской системы вида. Оппозиция несовершенного и совершенного вида в албанском языке отсутствует (Domi 2002 I: 274). В то же время, в албанском формально маркируется продолженный вид («continuous aspect» в терминологии Б. Комри – Comrie 1998: 25; см. далее). В условиях доминантного билингвизма с албанским языком вид в рассматриваемом диалекте Бобоштицы-Дреновы подвергается перестройке сразу в двух направлениях. С одной стороны, система, основанная на морфологическом и семантическом противопоставлении совершенного и несовершенного видов по славянской модели, несколько упрощается

³ Что происходит, по всей видимости, с переселенческим центральноюжнославянским диалектом Фиера (ареал происхождения: съеницко-новипазарские диалекты области Санджака на границе совр. Сербии и Черногории), который за 90 лет существования в албанском окружении и отрыве от материнского ареала, как можно судить, значительно сократил употребление краткого инфинитива (сохранного в съеницко-новипазарских диалектах) и заменил его *da*-формами в большинстве контекстов – Makartsev (2021).

⁴ Современные болгарские диалектологи относят этот диалект к южной подгруппе крайних юго-западных говоров (Кочева 2016: 539) и включают его вместе с прочими македонскими диалектами (будь то внутри Республики Северной Македонии или вне ее) в диалектную систему болгарского языка. Вопрос о принадлежности тех или иных балканославянских диалектов сильно политизирован и не рассматривается в настоящей статье. Вопрос об этнической/национальной идентичности носителей этого диалекта также выходит за рамки настоящей статьи (см. публикацию Макарец 2011 об идентичности носителей диалекта).

(уменьшается число морфологических моделей для образования видовых пар; некоторые глаголы начинают употребляться в несвойственных им видовых контекстах), хотя и сохраняет свои основные черты; с другой – возникает новая видовая оппозиция (продолженный вид), противопоставленный немаркированному по признаку продолженности несовершенному виду).

Жанровая и прагматическая ограниченность корпуса записей, которым я располагаю в настоящий момент (см. далее), а также проблема интерпретации вида глагольных форм на фоне упрощения видовой системы славянского типа не позволяют провести подробный анализ употребления вида в диалекте во всех возможных контекстах. Для настоящего исследования я ограничился временными контекстами настоящего времени, аориста и имперфекта в семасиологическом аспекте (более углубленное изучение функций видов в контекстах, чувствительных к видовому варьированию будет возможно в дальнейшем, после описания общих контуров системы вида в диалекте).

Македонский диалект Бобоштицы-Дреновы находится сейчас на грани исчезновения. В настоящее время мне известно трое говорящих из Дреновы (RM, VsM, ViM), все они близкие родственники (два брата и сестра) и старше 85 лет; после смерти последней говорящей из Бобоштицы в 2020 г. в этом селе, насколько мне известно, не осталось носителей диалекта. Записи в Бобоштице я сделал в 2010-2019 гг., когда еще были живы трое последних говорящих на этом диалекте жителей села. Все мои информанты – албанско-македонские билингвы с албанским языком социализации. Их албанский язык приближен к стандарту, хотя и имеет яркие региональные особенности. Уровень владения македонским диалектом неравномерный: информанты не вели коммуникацию на диалекте, при общении между собой они обычно использовали албанский. Критерием для отбора информантов было их умение поддерживать диалог на диалекте, переводить на него с албанского и производить длительные связные нарративы, что оставило за пределами исследования несколько человек в Бобоштице, чье владение диалектом ограничивалось пассивным пониманием и несколькими этикетными выражениями. Моя полевая работа в Бобоштице и Корче началась в 2010, македонский диалект был единственным средством коммуникации между нами (в моем случае первоначально это был македонский литературный язык, с течением времени я начал говорить с информантами на идиоме, структурно и фонетически приближенном к диалекту Бобоштицы-Дреновы).

Тексты на диалекте (переводы воскресных евангельских чтений, проповеди, записи фольклора, корреспонденция) в публикации А. Мазона (Mazon 1936; Mazon, Vajrova 1965) покрывают период с 1870-х до середины 1930-х годов. Расшифровки аудиозаписей с разговорами об истории и культуре Бобоштицы, сделанных в конце 1990-х гг. (с фрагментами аудио) опубликованы в монографии (Steinke, Ylli 2007, там же см. библиографию).

публикаций по диалекту). Мои записи с носителями диалекта из Бобоштицы и Дреновы были сделаны в 2010-2019.

В настоящей статье я использую расшифровки аудиозаписей на основе опросника «Frog where are you» (Mayer 2004) общим объемом 14 400 словоформ, которые отражают речь шести носителей диалекта, максимально приближенную к спонтанной (носители, жившие на момент записи, уже не использовали диалект в коммуникации между собой), а также элицитированные предложения, переведенные говорящими с албанского языка (такие случаи оговариваются особо). Сокращенные паспорта информантов приводятся в конце статьи. Опросник представляет собой книжку в 24 картинках без сопровождающего текста, на основе которых можно составить связный рассказ про приключения мальчика и собаки в поисках лягушки (см. Strömqvist, Verhoeven 2004). Преимущество такого опросника в том, что влияние языкового поведения интервьюера минимально – после того, как я объяснял задачу, и информант начинал рассказ по картинкам, я ограничивался только уточняющими вопросами (*A detjato?* ‘А мальчик?’; *A kučeto?* ‘А собака?’); комментариями технического характера (*Séga túa* ‘Теперь здесь’ – при переходе к следующей картинке) или просто жестами, указывая тот или иной элемент картинки. При этом я старался минимально использовать глаголы в наводящих вопросах или не использовал их вовсе.

2. **Совершенный и несовершенный вид: проблема сохранности славянской системы**

Морфологические способы выражения оппозиции совершенного / несовершенного вида в диалекте Бобоштицы-Дреновы в общих чертах вписываются в метасистему македонского диалектного языка (по Калнынь 1973). А. Мазон предлагает следующую классификацию на основе текстов 1870-1930-х гг. (Mazon 1936: 83)⁵:

⁵ В качестве словарной формы глагола я использую PRS.3SG (этот же принцип применяется в словарях современного македонского языка). Здесь и далее в глагольных парах сначала дается член несовершенного вида, а затем совершенного вида. В примерах сохраняется орфография оригинала, в собственных расшифровках я использую упрощенную латинскую транскрипцию. Перевод дается в марровских кавычках. Все переводы на русский язык мои; при цитировании публикаций А. Мазона я сохраняю его французский перевод. Глаголы совершенного вида А. Мазон дает в словаре с частицей *da* (в настоящей статье я ее опускаю), указывает пару несовершенного вида и переводит их французскими инфинитивами, а бесприставочные и супплетивные глаголы несовершенного вида дает без *da* и переводит их формой третьего лица настоящего времени, при цитировании это сохранено. Там, где это необходимо, лингвистические примеры

- простые глаголы несовершенного вида имеют дериваты совершенного вида, образованные префиксально: *píta* ‘il demande; il mendie’ / *upíta* ‘demander’;
- простые глаголы совершенного вида имеют дериваты несовершенного вида, образованные суффиксально *fátvi* / *fáti* ‘saisir’;
- глаголы совершенного вида с префиксом имеют вторичные имперфективы, образованные суффиксально *upítvi* / *upíta* ‘demander’;
- супплетивные видовые пары: *báⁿdi* ‘être’ / *ésti* ‘il est’, *véli* ‘il dit’ / *réči* ‘dire’, *púle* ‘il regarde’ / *vídi* ‘voir’, *číni* ‘il fait’ / *stóri* ‘faire, accomplir’, *gr’áj* ‘il vient’ / *dójdí* ‘venir’.

А. Мазон отмечает, что роль приставочной деривации для образования глаголов совершенного вида в диалекте значительно снижена по сравнению с тем, что наблюдается в других славянских языках: среди глаголов совершенного вида значительную часть, помимо простых, составляют греческие, турецкие и албанские заимствования с суффиксами *-sa*, *-ísa*, *-íza*, *-d-ísa*. «Приставочный способ образования, не имевший влияния на заимствования, перестал быть живым процессом, хотя его можно наблюдать в большом количестве старых сложных глаголов <...>, новые сложные глаголы таким образом не образуются. Таким образом, важная часть глагольной системы оказывается как бы замороженной» (Mazon 1936: 84).

Ряд глагольных пар различается только чередованием в основе, напр. *aríva* / *arvi* ‘cueillir’, *(u)díra* / *(ú)dri* ‘frapper’, *(u)míra* / *(ú)mbri* ‘mourir’, *(pot)píra* / *(pot)pri* ‘appuyer’, *(so)tíra* / *(so)tri* ‘consumer, détruire’, *(zo)víra* / *(zo)vri* ‘achever de bouillir’, *dáva* / *dá* ‘donner’. Значительное распространение получили имперфективы двух типов: с глаголами с исходом на носовой – на *-ína* (восходящий к старославянским парам *zapinati* / *zapeti*), с прочими глаголами на *-i* и *-a* – на *-va*⁶ (< *-ova*) и *-(i)vi*. Элемент *-ína* оформляется либо в виде суффикса (*svek’ína* / *sv’ákni* ‘allumer’), либо воспринимается как часть корня, напр. *(po)čarina* / *(po)čárni* ‘noircir’. Суффикс *-v*, напр. *(za)p’áva* / *(zá)pe* ‘entonner un chant’, в глаголах с исходом корня на *-p* может оглушаться с упрощением кластера *pv* > *f* (*kúfi* (< **kúpvi*) / *kúpi* ‘acheter’). Некоторые глаголы могут использовать и *-ína*, и *-va* / *-(i)vi*, так, возможны формы *padína* и *pánvi* ‘tomber’ (Mazon 1936: 84-85).

Использование видов в текстах 1870-1930-х гг. в целом также вписывается в систему македонского диалектного языка: глаголы совершенного

или их фрагменты глоссированы по Лейпцигским правилам глоссирования (LGR 2015). При цитировании примеров на диалекте вставки из албанского языка расшифрованы с использованием стандартной албанской орфографии.

⁶ Часто переходит в *i*-спряжение.

вида не могут использоваться в значении настоящего продолженного (соответственно, они не могут принимать показатель *toko*, см. далее), аорист обычно образуется от глаголов совершенного вида, а имперфект от глаголов несовершенного вида. Как и в ряде других македонских диалектов и в литературном языке (Kamphuis 2014), в диалекте Бобоштицы-Дреновы невозможно использование форм настоящего времени от глаголов СВ в главном предложении и вне сферы действия модальных или временных частиц (показателя будущего *ža*, показателя конъюнктива / комплементатора потенциала *da*, условного показателя *ako / po* – ср. Mazon 1936: 82).

Тексты, опубликованные А. Мазоном, задают историческую перспективу для современных записей диалектной речи. На основе расшифровок интервью по опроснику «Frog where are you» я составил мини-корпус со всеми примерами глагольных употреблений (были исключены глаголы *bãⁿdi* ‘être’ / *ésti* ‘il est’ и *íma* ‘il a’), его общий объем – 744 примера⁷. Мои наблюдения носят предварительный характер; по мере расшифровки и обработки интервью на другие темы, записанных мной с информантами из Бобоштицы и Дреновы, возможны некоторые уточнения, однако можно предположить, что мини-корпус расшифровок отражает наиболее частотные морфологические модели.

В качестве леммы принималось заглавное слово с отметкой о виде по словарю, приведенному в (Mazon 1936), в (Mazon, Bajrova 1965) отметка о виде глагола не приводится, но для опубликованных текстов он восстанавливается по контексту). При не-приставочном способе образования Мазон указывает в одном заглавном слове формы обоих видов, таким образом, суффиксальные и супплетивные (но не префиксальные) видовые пары оказываются объединены одним заглавным словом (но отличаются видовой пометкой и потому считаются разными леммами). Если слово в словаре отсутствовало, то в качестве леммы я принимал его форму PRS.3SG с русским переводом. При лемматизации фонологические различия не учитывались (*darži* и *dardži*; *izlezi*, *izljezi* и *ižljezi*, *gleda* и *gljenda*; *vika* и *viči* считались одной леммой). Различия в спряжении, учитывались только если они были релевантны для видовых различий (так, НСВ *zéma* и СВ *zémi* считались двумя разными леммами, а *jadi*, *jedi* и *je* – одной). Случаи альтернативного образования вида также учитывались как от-

⁷ Повторы глагола в рамках одного высказывания или соседних высказываний (*Nje, ič, tóko se dárdži. Íma vlezjéno túa i tóko se dárdži sika i sika. Tóko se dárdži* ‘Нет, совсем нет, он **держится**. Он залез сюда и **держится** вот так и так. Он **держится**’ – ЕМ) не считались за отдельное употребление (показатель продолженного вида *toko* разбирается в третьей части статьи). Если при повторе глагол видоизменялся, гапаксные формы до автоисправления (не засвидетельствованные в Mazon 1936 и не встречающиеся больше нигде в моих расшифровках) не учитывались, учитывалась только форма после автоисправления (*Da ježi, da ježi, da je* ‘Чтобы он ел [ježi], ел [ježi], ел [je]’ – ViM: учитывается только форма *je*).

дельные леммы (ср. *dardži* и *dardžvi* с редундантным имперфективирующим суффиксом -v; см. также далее).

Количество лемм в мини-корпусе 135. Большая их часть зафиксирована в словаре А. Мазона (122), 13 лемм в нём отсутствуют⁸. По способу образования 60 из них – простые⁹. 27 глаголов исторически имеют префиксальный способ образования¹⁰. Для большей их части на уровне синхронии вряд ли имеет смысл выделять приставку, так как этимологическая связь с соответствующим корнем перестала быть прозрачной. По-прежнему актуален префиксальный способ образования только для глаголов *izmámi* (< *mámi*), *spáni* (< *páni*), *skárši* (< *kárši*), *upiši* (< *píši*), *upláši* (< *pláši*), причем глагол *spáni* является избыточным образованием (*páni* ‘упасть’ уже относится к совершенному виду, а приставка не изменяет его значения). Приставочно-суффиксальный способ образования можно выделить только для *robáňja* ‘il est parti’, орфанной аористной формы (в настоящем времени ему соответствует простой глагол *bága*: Mazon 1936: 431).

⁸ *čini se* ‘казаться’; *čúđvi se* ‘удивляться’; *čuj* ‘услышать’; *dárdžvi* ‘держать’; *idi* ‘идти’; *léti* ‘лететь’; *pärkädél’vi* ‘ласкать’ (< албанск. *përkëdhel*); *pláši* ‘пугать’; *pozdráviva* ‘приветствовать’; *rasípui* ‘сломать’; *spáni* ‘упасть’; *trondítvi se* ‘затрястись’ (< албанск. *tronditem*); *upiši* ‘записать’; *znáči* ‘значить’.

⁹ Здесь и далее леммы приводятся в сокращенном виде ‘только в релевантной видовой форме’. **НСВ**: *bálvi* ‘il vomit’; *bára* ‘il marche’; *bága* ‘il part, il s’en va’; *béri* ‘il récolte, il amasse’; *bije* ‘il frappe, il bat’; *bóli* ‘il fait mal’; *bráni* ‘il garde’; *čéka* ‘il attend’; *čini* ‘il fait’; *čini se* ‘казаться’; *čúđi se* ‘il s’étonne, il est émerveillé’; *dárdži* ‘il tient’; *g’ánda* ‘il regarde’; *góri* ‘il brûle’; *gr’áj* (*gr’ádi*) ‘il vient’; *idi* ‘идти’; *ígra* ‘il joue, il danse’; *íti* ‘il veut, il aime’; *já* ‘il mange’; *kóči* ‘il caresse’; *læe* ‘il aboie’; *léti* ‘лететь’; *líži* ‘il lèche’; *málči* ‘il se tait’; *meríši* ‘il sent (actif ou neutre)’; *mije* ‘il lave’; *móži* ‘il peut’; *ódi* ‘il va’; *píje* ‘il boit’; *píta* ‘il demande, il mendie’; *p’á* ‘il chante’; *pláči* ‘il pleure’; *plaši* ‘пугать’; *púle* ‘il regarde’; *sáka* ‘il désire, il veut’; *s’ádi* ‘il est assis, il réside, il reste’; *sm’á se* ‘il rit’; *spi* ‘il dort’; *tárče* ‘il court’; *tárpi* ‘il souffre, il endure, il dure’; *tr’ábi* ‘il est nécessaire, il nettoie’; *úmi se* ‘il pense, il réfléchit’; *vári* ‘il fait bouillir (actif)’; *véli* ‘il dit’; *viči* ‘il appelle, il crie’; *žívi* ‘il vit’; *znáči* ‘значить’; *zn’á*, *nézne* ‘il sait, il ne sait pas’; *zóve* ‘il appelle’. **СВ**: *báči* ‘embrasser’; *čuj* ‘услышать’; *dóđdi*, *doj* ‘venir’; *fáti* ‘saisir’; *káži* ‘montrer’; *kla* ‘il pose’; *ubúvi* ‘chausser’; *páni* ‘tomber’; *réči* ‘dire’; *ubíje* ‘tuer’; *vídi* ‘voir’.

¹⁰ **НСВ**: *stíska* ‘presser, contraindre’. **СВ**: *ižl’ázi* ‘sortir’; *izmámi* ‘tromper’; *nájdi* ‘trouver’; *utíde* ‘пойти’; *spani* ‘упасть’; *pokríje* ‘recouvre’; *potóži* ‘aider’; *razbéri* ‘comprendre’; *skárši* ‘briser, rompre’; *sobéri* ‘rassembler’; *spom’áni* ‘se rappeler’; *stóri* ‘faire, accomplir’; *súrvi* ‘se détacher de, sauter, descendre’; *ubl’áči* ‘revêtir’; *udávi* (*se*) ‘se noyer, couler’; *upiši* ‘записать’; *upláši se* ‘avoir peur’; *ustávi* ‘rester’; *v’l’ázi* ‘entrer’; *zaborávi* ‘oublier’. Для следующих глаголов засвидетельствованы формы обоих видов: *údri*, *udíra* ‘frapper’; *ustávi*, *ustáve* ‘laisser’; *zémi*, *zéma* ‘prendre’.

Суффиксы *-n* и *-s* служат для образования глаголов совершенного вида: *-n* встречается с семью леммами (СВ) в корпусе¹¹; *-s* – с двумя (СВ)¹². Суффикс *-v*¹³, согласно описанию А. Мазона служащий для образования НСВ, встречается с 29 леммами¹⁴. Этот суффикс по-прежнему является продуктивным способом образования несовершенного вида, ср. случаи его редундантного использования для маркирования глаголов, которые и так были в несовершенном виде, напр. *čúđvi se* (1, ViM < *čúdi se* ‘il s’étonne, il est émerveillé’), *dár(d)žvi* (6, RM; 4, ViM при словарном *dárdži*, ‘il tient’) или для образования вторичных имперфективов, дублирующих по значению первичные: *naúčva* (1, ViM < СВ *naúči* ‘apprendre’; видовой парой для *naúči* является бесприставочный *úči* ‘il enseigne, il apprend’); *rékuva* (1, IK < СВ *réči*, НСВ *véli* ‘dire’). Есть также случаи образования НСВ ad hoc при наличии регулярной формы или формы со старым морфонологическим чередованием: *ižljézvi* (1, EM, ср. описание в словаре А. Мазона: СВ *ižljäzi*, НСВ *ižljägvi* ‘sortir’), гапакс *pláčvi* (1, ViM: «Тoko viči. **Pláčvi**, toko plači?» ‘Он зовет. **Плачет**, плачет?’ при словарном *pláči* ‘il pleure’) и от албанских заимствований: *tronditvi se* ‘(за)трястись’ (< алб. *tronditem* ‘1. to shake from the foundations; 2. (Fig.) to collapse, deteriorate’ (Newmark 1998): 1, EM¹⁵), *pärkäđel’vi* (< алб. *përkëdhel* ‘1. to stroke softly and repeatedly; pet; 2. to caress, fondle <...>’ (Newmark 1998): 1, EM¹⁶).

¹¹ *izgúmni* ‘faire périr’; *kásni* ‘mordre, goûter’; *páni* ‘tomber’; *plásni* ‘jeter’; *stáni* ‘se lever’; *ustáni* ‘rester’; *vikni* ‘appeler’.

¹² Оба из них заимствования: *kurtulisa* ‘sauver, se sauver’ (< турецк. *kurtulmak*); *k’erósa* ‘gagner’ (< турецк. *kâr*, алб. *qar*).

¹³ Если исключить из рассмотрения глагол *ustávi*, *ustáve* ‘laisser’, где *-v* является фрагментом праславянского показателя каузатива (БЕР IV 1995: 946).

¹⁴ *aréksvi* ‘il plait’; *báčvi* ‘embrasser’; *čúvi* ‘il écoute, il entend’; *dardžvi*, ‘держатъ’ (у Мазона *dárdži* ‘il tient’); *ižl’ágvi* ‘sortir’; *kážvi* ‘montrer’; *kláva* ‘il pose’; *kréŋvi* (у Мазона *krénva*, ‘lever’); *nájdvi* ‘trouver’; *naúčva* (у Мазона только *úči* ‘il enseigne, il apprend’, форма *naučva* является вторичным имперфективом от *naúči* ‘apprendre’); *pánvi* (у Мазона также *padína*, в нашем корпусе не зарегистрировано ни разу) ‘tomber’; *pärkäđel’vi* ‘ласкать’; *pozdráviva* ‘приветствовать’; *prodáva* ‘vendre’; *ráđvi se* ‘il se réjouit’; *rasípui* ‘сломаться’; *razbérvi* ‘comprendre’; *rékuva* (у Мазона только в форме СВ *réči*), *véli* (НСВ) ‘dire’; *sobérvi* ‘rassembler’; *sovi* (СВ! у Мазона только в форме СВ *sópni*, НСВ *sopína* ‘entraîner, faire un cros-en-jambe’; в нашем корпусе эта форма встречается один раз; нельзя исключать ее случайное возникновение в результате оговорки говорящего, см. далее); *spom’ánvi* ‘se rapprocher’; *tárčvi* ‘бежать’ (у Мазона только в форме *tarči*); *tronditvi se* ‘(за)трястись’; *ubl’ákvi* ‘revêtir’; *uplášvi* ‘avoir peur’; *várdzvi* ‘lier’; *vl’ágvi* ‘entrer’; *zbórvvi*, ‘il parle’.

¹⁵ «I kóga pána so fórca, uleništata **se tronditváje**, mu velíme ne, u tronditën, nuk e di, kajnas nuk kemi fjalë “u trondit” dhe kanë dalë të gjithë për jashta, íme ižljézóje» ‘И когда он упал со всей силы, пчел **тряхнуло**, мы это так называем, **тряхнуло**, не знаю, на **кайнас** [автоним для диалекта Бобоштыцы-Дреновы – М.М.] *нет*

В моем материале *-ina* не используется ни разу. Суффикс *-ina*, согласно словарю Мазона, был бы возможен в следующих шести лексемах из нашего корпуса: СВ *izgúmni*, НСВ *izgumína* ‘faire périr’; СВ *kásni*, *kasína* ‘mordre, goûter’; СВ *páni*, НСВ *padína* и *pánvi* ‘tomber’; СВ *plásni*, НСВ *padína* ‘jeter’; СВ *sópni*, НСВ *sopína* ‘entraver, faire un croc-en-jambe’; СВ *víkni*, НСВ *vikína* ‘appeler’. Для всех этих лемм в корпусе зарегистрирован либо только глагол совершенного вида (*izgúmna*, *kásni*, *plásni*), либо дублетная форма несовершенного вида (*pánvi*), либо глагол используется в контексте, по которому однозначно определить вид невозможно¹⁷.

Леммы СВ *víkni*, НСВ *vikína* ‘appeler’ и СВ *páni*, НСВ *padína* и *pánvi* ‘tomber’ имеют много вхождений в корпусе, поскольку прямо соответствуют действиям главных героев на двух из картинок опросника. В качестве пары несовершенного вида для *páni* выступает только *pánvi* (14 вхождений) или *pága* (один раз; возможно, заимствование из македонского литературного языка), но никогда *padína*. В качестве пары для *víkni* выступает либо *víče/viči* (24 вхождения), либо *vika* (два раза, возможно, также заимствование из литературного македонского), но никогда *vikína*. В одном случае *víkni* используется в значении несовершенного вида:

- (1) ММ: *Túka šo čine siéz?* SB: *Túa víkni. Koj víkni támo, sámó. Túa soj ópet... taz? Víkni. Víkni kučéto.* ММ: *Da. Dóbre, áli... a šo čini so rakáta toj?* SB: *So... so rakáta víkni.* ММ: *Víkni ne.* SB: *Víkni, po kučéto e támu.*

‘ММ: А здесь что они делают? SB: Здесь он **зовет**. Кто **зовет** там, тут. SB: Тут он опять... это? **Зовет**. **Зовет** собаку. ММ: Да. Хорошо, но... а что он делает рукой? SB: При помощи руки он **зовет**. ММ: Не зовет. SB: **Зовет**, ведь там собака.’

Это подводит нас к разговору о семантической проблематике употребления вида в диалекте Бобоштицы-Дреновы.

Все вхождения глаголов в мини-корпусе были размечены с точки зрения ожидаемой видовой принадлежности и контекстуального видового значения. При определении ожидаемого вида глагольной формы я оттал-

слова “*u trondit*”, и они вылезли все наружу, вылезли’ (курсивом отмечено переключение кода на албанский).

¹⁶ «Tóko go **pärkäðél’vi**. *Përkëdhel është shqip, a kájnas pärkäðél’vi, tóko go pärkäðél’vi* ‘Он его ласкает. “*Përkëdhel*” – албанское слово, а на кайнас “*pärkäðel’vi*”, он его ласкает’.

¹⁷ Форма *sovi* встречается всего один раз (СВ *sópni*, НСВ *sopína* ‘entraver, faire un croc-en-jambe’): *Otidóje bletjéte da si go jáde... frútot. I kučencéto ne sáka da gi sóvi?* ‘Полетели пчелы его есть... плод. А собачка не хочет их сбросить?’ (ИК) и возможно, является развитием **sopvi* > **sofi* (см. Mazon 1936: 85 об упрощении кластера *pv* > *f*) с дальнейшим озвончением *f* в интервокальной позиции. Поскольку эта глагольная форма употреблена после *da*, контекст не позволяет определить ее видовое значение.

квивался от словаря А. Мазона¹⁸. Контекстуальное видовое значение можно определить на основе формы: настоящее время или имперфект (только НСВ), аорист (только СВ)¹⁹. Привести точную статистику по всем словоупотреблениям в данном случае не представляется возможным: поскольку противопоставление совершенного и несовершенного вида начинает сглаживаться и мы находим ряд глаголов в несвойственных им видовых контекстах, в тех случаях, когда контекст допускает употребление глагола любого вида (в формах будущего времени, да-формах, в императиве), нельзя уверенно определить вид глагольной формы. Такие случаи я исключил из рассмотрения при описании семантики глагольного вида. В ряде случаев форма 3SG настоящего времени (в диалекте только НСВ) не отличима от 3SG аориста (в диалекте обычно СВ), что дополнительно усложняет определение видовой характеристики форм (см. Mazon 1936: 82-83), однако с уверенностью интерпретировать форму как презентную помогают маркеры настоящего прогрессивного *toko* и *ge* (см. в третьем разделе).

Словоупотребления, в которых видовую принадлежность можно определить с уверенностью, распределяются следующим образом. В большинстве случаев ожидаемый вид и контекстуальное видовое значение совпадают: в 478 случаях это НСВ, в 89 случаях – СВ. Количественный дисбаланс видовых форм вызван дисбалансом временных форм, так как значительная часть контекстов – в настоящем времени. Это обусловлено структурой опросника: информант рассказывает то, что видит на картинках, обычно используя настоящее время или формы перфекта для описания результата действия, зафиксированного на изображении, а нарративные времена плана прошлого (аорист и имперфект), плюсквамперфект и будущее время в текстах используются редко.

Конечно, интерес представляют случаи, когда ожидаемый вид (по словарю) и контекстуальное видовое значение расходятся. В миникорпусе зарегистрировано 25 таких словоупотреблений. Интересно, что смена вида возможна только с СВ на НСВ, но не в обратном направлении. Смена вида затрагивает следующие леммы: *báči* ‘embrasser’; *razbéri*, ‘comprendre’; *spom’áni* ‘se rappeler’; *vidi* ‘voir’; *vikni* ‘appeler’, при этом для *razbéri*, *spom’áni* и *vikni* есть только единичные употребления, связанные с расшатыванием видовой оппозиции только у этих глаголов у отдельных говорящих.

Глаголы *báči* и *vidi* на современном этапе развития говора, судя по всему, стали двувидовыми. Мазон отмечает, что соответствием несовершенного вида для *báči* (СВ) является *báčvi*, но в моем корпусе зафиксиро-

¹⁸ Таким образом, учитываются только те глаголы, которые зафиксированы в словаре А. Мазона.

¹⁹ В силу жанровых особенностей текстов, вошедших в мой корпус, аорист неопределенных глаголов с делимитативным значением среди примеров не встречается.

вано только *báči*. Его используют три информанта в трех случаях, ср. (2) и (3):

- (2) *MM: A kučeto šo čini óvde so... RM: Tóko go báči. Tóko go báči so... Go líži, go líži. MMI: Go kóči, go báči? RM: I go báči.*

‘MM: А собака что тут делает с... RM: Она его **целует**. Она его **целует** с... Она его лижет, она его лижет. MMI: Она обнимает его, целует его? RM: И **целует** его.’

- (3) *Soj go sáka mnógo kučetéto, i kučetéto **gé** go báčuva. **Ĝe** go báči.* (IK)
‘Он очень любит собаку, и собака **целует** [bačuva] его. **Целует** [bači] его.’

Как было сказано выше, употребление формы в соседних высказываниях (как в 2) считается за одно вхождение, т.к. информанты часто повторяют фрагменты текста с минимальными изменениями. Форма *báčuva* в (3), судя по нехарактерному для диалекта суффиксу *-uv* и ударению на третий слог от конца, образована ad hoc по модели македонского литературного языка (ср. макед. лит. *báкнува*; у этого же информанта фиксируется также *réкува*), кроме того, это гапаксная форма с автокоррекцией (*ĝe go báčuva* > *gé go báči*), поэтому *báčuva* я не лемматизирую. Глагол *vidi* довольно частотен в моем корпусе (20 вхождений, 17 из которых однозначно интерпретируются по контексту как НСВ, два в сфере действия *да*, и одно в императиве, где возможно употребление обоих видов). В текстах 1870-1930-х гг. *vidi* является СВ (соответствие НСВ по словарю А. Мазона – *vidvi*), однако, как можно судить по корпусу, *vidi* стал двувидовым (*vidvi* не засвидетельствован ни разу), ср. (4) с формой имперфекта в сфере действия показателя продолженного аспекта *toko*:

- (4) *Glavá-ta vnátri. Soj **tóko vid-jěše** što se,*
head-DEF inside he CONT look-IPRF what be-PRS.3PL
što čin-i soj. (VsM)
what do-PRS.3SG he
‘Голова внутри. Он **смотрел** что там, что тот делал.’

Подытоживая, диалект Бобоштицы-Дреновы на современном этапе развития, несмотря на продолжительное албанское влияние, показывает значительную сохранность славянской системы маркирования вида. Отдельные отличия от системы, зафиксированной в текстах 1870-1930-х гг., касаются всего нескольких глаголов, большая часть которых являются гапаксами. Два глагола (*báči* и *vidi*) начали использоваться как двувидовые. Кроме того, не засвидетельствован ни разу имперфективирующий суффикс (для некоторых глаголов – часть корня) *-ín*, а суффикс *-v* несколько расширил свое употребление (для образования как редундантных импер-

фективов от НСВ, так и вторичных имперфективов, дублирующих первичные).

3. Продолженный вид: языковой трансфер из албанского

Албанский язык имеет два способа маркирования продолженного вида: при помощи неизменяемой частицы *po*, которая присоединяется к формам настоящего времени или имперфекта, а также при помощи конструкции на основе герундия (неизменяемый показатель *duke* + причастие), которая получает предикативность при помощи вспомогательного глагола *jam* ‘быть’ (соответственно, разграничивая настоящее продолженное и имперфект – см. подробнее в Domi I: 2002: 306ff; Newmark *et al.* 1982: 36; Buchholz, Fiedler 1987: 168; Makartsev 2020). (5a) иллюстрирует немаркированную форму настоящего времени (которая может использоваться как в продолженном, так и в непродолженном значении, иными словами, маркирование продолженного вида в албанском не обязательно, хотя и достаточно частотно). В (5б) показан способ маркирования продолженного вида при помощи *po*, а в (5в) – при помощи *duke*-герундия.

(5) а. *Ata këndo-jnë mirë.*
 they.M sing-PRS.3PL good
 ‘Они **поют** хорошо.’

б. *Ata po këndo-jnë.*
 they.M CONT sing-PRS.3PL
 ‘Они **поют** (в данный момент).’

в. *Ata janë duke kënd-uar.*
 they.M be-PRS.3PL CONT sing-PTCP
 ‘Они **поют** (в данный момент).’

Формы с *po* могут употребляться для последовательных действий при движущейся референционной рамке (например, при описании последовательных событий на видео), в то время как для форм с *duke* такого употребления не допускается и они используются только для событий заднего плана (background). Кроме того, формы с *po* могут использоваться также для состояний, в то время как *duke* почти не сочетаются с состояниями (Албанский национальный корпус, АНК 2016) дает единичные случаи и только в стилизованной прозе). Иными словами, для албанского литературного языка *po* можно описать как показатель продолженного вида (continuous aspect), в то время как *duke* выступает как показатель его частного случая – прогрессивного вида (progressive aspect), если принимать терминологию Б. Комри (Comrie 1998: 25, см. также Makartsev 2020). Се-

вернотосский диалект области Корчи принадлежит к области пересечения ареалов использования *po* и *duke* (см. ADGJSh 2007: 391, карта 320, вопрос диалектологической анкеты 131), поэтому в данном случае различиями между этим диалектом и литературным языком можно пренебречь.

В диалекте Бобоштицы-Дреновы зарегистрировано три вида конструкций с похожим значением:

- (6) а. *Tija ġe pj-ǎ sega.* (IK)
 they CONT sing-PRS.3PL now
 ‘Они **поют** сейчас.’
- б. *Tua toko sp-je, detjé-to so kućé-to.* (RM)
 here CONT sleep-PRS.3PL boy-DEF with dog-DEF
 ‘Здесь они **спят**, мальчик и собака.’
- в. *Ēsa tarč-eničkim.* (IK)
 be.PRS.1SG run-ADV.PTCP
 ‘Я **бегу**.’

В (6а) показатель продолженного вида восходит к локативному наречию *ġe* (когнат русского ‘где’). В (6б) – к противительному союзу *toko* ‘но; только’. Конструкция с деепричастием в (6в) является реакцией информанта ИК на албанский стимул (6г) и представляет собой его кальку.

- (6) г. *Jam duke vrap-uar.*
 be.PRS.1SG CONT run-PTCP
 ‘Я **бегу**.’ (стимул для 6с)

Форма продолженного вида с деепричастием (6в) – единственный случай в моих записях диалекта (как в мини-корпусе, так и в нерасшифрованных записях – я специально отслеживал возможное употребление этой конструкции в речи информантов, в том числе и в нерасширенных записях, но не зарегистрировал его ни разу), поэтому можно считать, что это случайный пословный перевод, а не грамматикализованная конструкция.

Генезис и употребление продолженного вида с *ġe* и *toko* подробно рассматриваются в моей статье (Makartsev 2020). Обе конструкции грамматикализованы в диалекте Бобоштицы-Дреновы под влиянием албанских форм продолженного вида (различие между продолженным видом и прогрессивом диалекте нерелевантно), однако процесс грамматикализации происходил по-разному.

Развитие продолженного значения у локативного *ġe*, по всей видимости, следует типологически частотной моделью. Семантическую мотивировку здесь следует искать в многозначности албанского *tek*, который используется как предлог места и обстоятельственный союз места, но также

и как обстоятельственный союз времени. Следующий пример (7), взятый из албанской грамматики (Domi 2002 II: 543) иллюстрирует и временное (7a), и пространственное (7б) значение этого слова:

(7) *Tek shkonte udhës, kokëlarhtë dhe me hapa të sigurt, plot gaz e krenari, i dukej sikur githë pazari i Korçës i kishte mbërthyer sytë tek ai.*

‘Когда он уверенным шагом **шел по дороге** с поднятой головой, полный радости и гордости, ему казалось, будто весь Корчанский базар смотрел **на него**.’

a. *tek shko-nte udh-ës*
when go-IPRF.3SG road-DEF.ABL
‘когда он шел по дороге’

б. *tek ai*
at he.NOM
‘на него’

В прогрессивном значении *gé* используется непоследовательно (всего четыре раза на более чем 200 страницах текстов в публикациях Мазона – Mazon 1936; Mazon, Bajrova 1965, и всего два раза в корпусе интервью по «Frog where are you», только у IK).

На грамматикализацию *toko* оказало влияние сразу несколько факторов. С одной стороны, албанское *po* (8), как и *toko* (9) имеет адверсативное значение (Joseph 2011: 29-30):

(8) *Në mëngjes bë-nte ftohtë, po nga drek-a*
in morning do-IPRF.3SG cold but from lunch-DEF
fry-nte një jugë e lehtë. (Domi 2002 II: 470)
blow-IPRF.3SG INDF south.wind AGR light
‘С утра было холодно, но с полудня дул легкий южный ветер.’

(9) *Po albanski o znjë-m. Tóko ka mu*
on Albanian 3SG.N.ACC know-PRS.1SG but how 3SG.N.DAT
vél-e po jazik-ot naš ne gó zn-jem. (RM)
say-PRS.3PL on language-DEF our NEG 3SG.N.ACC.SG know-PRS.1SG
‘По-албански я это знаю. Только как это на нашем языке называется, я не знаю.’

С другой стороны, на выбор для передачи прогрессивного значения именно *toko* также оказало влияние его созвучие с албанскими *duke* и *tek*. В структурном плане конструкции с *toko* как показателем продолженного вида наиболее близки албанским *po*-конструкциям: и там, и там в сфере действия показателя находится синтетическая личная форма, в то время как *duke* входит в конструкцию герундия и информацию о предикативности передает вспомогательный глагол, а *tek* и вовсе является союзом. Как и в случае с албанским *po*, в сфере действия *toko* может входить и настоящее время, и имперфект. Иными словами, грамматикализация показате-

ля продолженного вида *toko* в диалекте Бобоштицы-Дреновы имеет двойную мотивировку: структурную (< албанск. *po* в адверсативном значении) и фонетическую (< албанск. *duke, tek*).

Toko как маркер продолженного вида гораздо более частотен, чем *gé*. В записях Мазона он носит факультативный характер²⁰ и имеет ряд формальных ограничений: *toko* не употребляется с глаголами 'быть' и 'иметь', модальными глаголами и глаголами желания. Поскольку *toko* не используется с качествами и состояниями, а только с продолжающимися действиями, ограниченными во времени, его можно считать показателем прогрессива.

В моем корпусе *toko* встречается с частотой, приближенной к частоте употребления *po* в стандартном албанском. В нарративе по книге «Frog where are you» в 24 картинках информанты используют его исключительно часто: RM (50), EM (61), VsM (33), ViM (52)²¹. Например, картинку, на которой мальчик залез на дерево и смотрит в дупло, а собака сбросила с соседнего дерева пчелиное гнездо (по Mayer 2004: 12-13), информант (RM) описывает следующим образом:

- (10) RM: *Detjéto íma vlezjéno túa. Tóko vídi* (1) *éna dúpka goljéma,*
 'Мальчик залез сюда. Он **видит** (1) большую дыру,
am ščo íma (2) *vnátri jé ne púlem* (3) *nješč.*
 но что там [имеет] (2) внутри, я не вижу (3) чего-нибудь.
Tóko se dárži (4) *toj so racjéte, i nodzjéte íma* (5) *túa saz ljeváta...*
 Он **держится** (4) руками, и его ноги [имеет] (5) здесь, это левая...
saz praváta, saz ljeváta. Íma panáto saz so pčélite, da velíme.
 это правая, это левая. Эта (штука) с пчелами, скажем так, упала.
Kučéto tóko bjéga (6).
 Собака **бежит** (6).'
 MM: *Toko béga?*
 'Бежит?'
 RM: *M-m, tóko je vídi* (7). *Tóko... isplášen se, se vídi* (8).
 'Э-э, он **смотрит** (7) на нее. Но... он испуган, кажется (8).

²⁰ Я зарегистрировал 29 случаев его употребления для маркирования продолженного вида в Mazon (1936) и Mazon, Vajrova (1965), все из них только в записях фольклора: из них 16 с настоящим и 13 с имперфектом.

²¹ Интересно отметить, что в материалах, опубликованных в (Steinke, Ylli 2007), *toko* в продолженном значении не встречается ни разу – по всей видимости, из-за жанровых ограничений (их материалы в основном включают воспоминания говорящих о жизни в селе), а также из-за того, что их информантами в основном были ИК (использует показатель продолженного вида исключительно редко и только *gé*) и SB (исключительно редко использует *toko*).

Daléku éje (9) sez, ne... Móže (10) da go ima serváno soj.

Они далеко (9), не... Может (10), он его сбросил.

I ima panáto dólu. Siez panáje i izljezóje.

И оно свалилось. Вот эти упали и выбрались.

I uplašéne ése (11) i sjez. Soj glúšec n'éje (12) glúšec.

Они тоже испуганы (11). Эта мышь – не (есть) (12) мышь.

Ščo ése (13)? Ne gó znjem (14) imjéto jes.

Что это (13)? Я не знаю (14) его названия.'

ММ: *Nješ drúgo.*

'Что-то другое.'

РМ: *Nješ drúgo ža je. Né znem (15) imjéto.*

'Что-то другое, наверное. Я не знаю (15) его названия.'

Как видно, *toko* как показатель продолженного действия маркирует далеко не каждый глагол. Маркируются продолжающиеся в момент речи действия (10: 1, 4, 6, 7). Не маркируются глаголы 'быть' (10: 11, 12, 13; см. обсуждение далее) и 'иметь' (10: 2, 5), модальный глагол (10: 10), глаголы когнитивной деятельности (10: 14, 15). Между *toko* и глаголом не может стоять полнозначное слово, только клитика (10: 4, 7) – для противительного *toko*, конечно, такого ограничения нет (см. отрывок между 10: 7 и 10: 8). Кроме того, в нарративе показатель продолженного вида может выполнять такие неочевидные функции, как маркирование разных уровней нарратива, ср. примеры с использованием *toko*: 10: 1 *detjéto [...] tóko vídi éna dúpka* ('мальчик [...] **ВИДИТ** дупло'); 10: 6 *Kučéto [...] tóko je vídi* ('собака [...] **СМОТРИТ**') = план высказывания, *toko* используется, и те случаи, где *toko* не используется: 10: 2 *ščo ima vnátri je ne púlem* ('что внутри, я не вижу'); 10: 8 *isplášen se, se vídi* ('он испуган, кажется [= видится]')) = автокомментарий.

Кажется, ограничение на использование *toko* с 'быть' перестает действовать на современном этапе развития диалекта: два таких случая вошли в корпус, см. напр.:

- (11) *Kučé-to tóko éje vo vóda.* (RM по Mayer 2004, илл. 24)
 dog-DEF CONT be.PRS.3SG in water
 'Собака **находится** в воде.'

Таким образом, языковое сообщество говорящих на диалекте Бобоштицы-Дреновы показывает три разные стратегии (не)употребления настоящего прогрессивного:

- 1) *отсутствие*. SB практически не использует настоящее прогрессивное (что, возможно, также связано с неуверенным владением диалектом);

- 2) *gé*-стратегия. ИК использует *gé* (факультативно), но не *toko*;
- 3) *toko*-стратегия. EM, RM, VsM, ViM не показывают значительных различий в употреблении *toko* и регулярно используют его в нарративе по связанным в общую линию повествования картинкам.

Принимая во внимание распределение показателей в текстах 1870-1930-х гг. (нерегулярное использование *toko*, крайне редкое использование *gé*), следует предположить, что благодаря постоянному контакту с албанским языком в условиях доминантного билингвизма последнего, употребление *toko* было окончательно грамматикализовано в речи последнего поколения говорящих на диалекте Бобоштицы-Дреновы (годы рождения моих информантов – 1922-1934). В отсутствие релевантных данных о диалекте в 1930-1990-е гг., когда еще существовало соответствующее речевое сообщество и диалект использовался в повседневной коммуникации, остается только предполагать, как именно складывались разные группы внутри этого сообщества. Возможно, в речи на диалекте этого периода для большинства членов сообщества стала доминировать *toko*-стратегия – ее используют как говорящие из Бобоштицы, так и из Дреновы. *Ge*-стратегия не показывает никаких изменений по сравнению с периодом 1870-1930-х гг. и, видимо, отражает более консервативную норму информанта ИК, что, возможно, связано со статусом его семьи (его отец был сельским учителем и оказал значительную помощь А. Мазону во время исследований последнего в 1930-е гг.²²).

4. Заключение

Длительный (в течение нескольких поколений) доминантный билингвизм с албанским языком в роли ведущего оказал значительное влияние на структуру македонского диалекта Бобоштицы-Дреновы в сфере выражения глагольного вида. Славянская система формальной оппозиции совершенного и несовершенного вида в значительной степени сохранена. Этап ее развития в 1870-1930-е гг. вписывается в систему македонского диалектного языка; в образцах речи 2010-х гг. изменения затрагивают только два глагола, которые начинают использоваться как двувидовые, а колебания в использовании вида у еще нескольких глаголов встречаются в единичных случаях. Среди прочего, сохранность системы славянского вида показывает достаточно высокий уровень языковой компетенции говорящих на диалекте, несмотря на ведущую роль албанского языка в их доминантном билингвизме.

²² Интересно отметить, что образец письменного текста, написанный ИК в возрасте 9 лет – 13 января 1934 г., опубликован в монографии (Mazon, Vajrova 1965: 67).

В то же время, под влиянием албанского языка в диалекте грамматизировались две конструкции для выражения продолженного вида, одна из них на основе локативного *ġe*, а другая – противительного союза *toko*. Их распределение между последними говорящими, возможно, отражает контуры речевого сообщества в 1930-1990-е гг.

Две разнонаправленные тенденции – сохранность славянской формальной оппозиции по виду и грамматикализация новых конструкций для выражения продолженного вида – связаны с особенностями их формального выражения. Славянская оппозиция по виду основана на лексикализованных парах глаголов и использует несколько трудно алгоритмизируемых способов образования (супплетивные основы, приставочная, суффиксальная, в отдельных случаях приставочно-суффиксальная деривация), причем помимо вида, соответствующие пары глаголов часто могут иметь и иные семантические различия, что придает им дополнительную устойчивость в рамках системы. В то же время, показатель продолженного вида в албанском (*po*) потенциально легко заимствуется или калькируется (будучи многозначным, но простым в морфологическом и морфосинтаксическом смысле словом), а его отождествление с македонским диалектным *toko* поддерживается созвучием с другим албанским показателем продолженного / прогрессивного вида – *duke* (и, возможно, союзом *tek* с широкой, в том числе и временной, семантикой).

Сокращения и (английские) глоссы

1, 2, 3	1 st , 2 nd , 3 rd person	IPRF	imperfect
ABL	ablative	M	masculine
ACC	accusative	NEG	negation
ADV.PTCP	adverbial participle	N	neuter
AGR	adjectival agreement marker	NOM	nominative
CONT	continuous aspect	PL	plural
DAT	dative	PRS	present
DEF	definite	PTCP	participle
GEN	genitive	SG	singular

Библиографија

- ADGJSh 2007: J. Gjinari (drejt.), *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe*, Vëll. 1. Napoli 2007.
- Breu 2009: W. Breu. 18. *Verbale Kategorien: Aspekt und Aktionsart*, in: S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (eds.), *Die slavischen Sprachen / The Slavic Languages*, Berlin etc. 2009 (= Handbooks of Linguistics and Communication Science, HSK, 32.1), 209-225.
- Buchholz, Fiedler 1987: O. Buchholz, W. Fiedler, *Albanische Grammatik*, Leipzig 1987.
- Comrie 1998: B. Comrie, *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*, Cambridge 1998 (1976¹).
- Domi 2002 I: M. Domi (kryered.), *Gramatika e gjuhës shqipe. Morfologjia* [Sh. Demiraj (red. i vëllimit), F. Agalliu, E. Angoni, Sh. Demiraj, A. Dhrimo, E. Hysa, E. Lafe, E. Likaj, *Gramatika e gjuhës shqipe*, vëll. I], Tiranë 2002.
- Domi 2002 II: M. Domi (kryered.). *Gramatika e gjuhës shqipe. Sintaksa* [M. Domi (red. i vëllimit), M. Çeliku, M. Domi, S. Floqi, S. Mansaku, R. Përnaska, S. Prifti, M. Totoni, *Gramatika e gjuhës shqipe*, vëll. II]. Tiranë 2002.
- Joseph 2011: B. Joseph. *The puzzle of Albanian po*, in: E. Welo (ed.), *Indo-European syntax and pragmatics: Contrastive approaches*, Oslo 2011 (= Oslo Studies in Language, 3, 3), 27-40.
- Kamphuis 2014: J. Kamphuis, *Macedonian aspect: East or West?*, in: E. Fortuin, P. Houtzagers, J. Kalsbeek, S. Dekker (eds.), *Dutch Contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists, Minsk: Linguistics, Amsterdam etc.*, 2014 (= Studies in Slavic and General Linguistics, 40), 127-153.
- Lindstedt 2000: J. Lindstedt, *Linguistic balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement*, in: D. G. Gilbers, J. Nerbonne, J. Schaeken (eds.), *Languages in contact, Amsterdam etc.* 2000 (= Studies in Slavic and General Linguistics, 28), 231-246.
- LGR 2015: *The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses*, available at <<https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>> (last update 31/05/2015).
- Makartsev 2020: M. Makartsev, *Grammaticalization of progressive aspect in a Slavic dialect in Albania*, "Journal of Language Contact", 13 (2), 2020, 428-458.

- Makartsev (in print): M. Makartsev, *Infinitive reduction in a migrant Shtokavian dialect in Albania: Language contact supporting Balkanization*, “Linguistica Copernicana”, in print.
- Mayer 2004: M. Mayer, *Frog, where are you? Sequel to A boy, a dog and a frog*, New York 2004.
- Mazon 1936: A. Mazon, *Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du Sud*, Paris 1936 (Bibliothèque d’études balkaniques V).
- Mazon, Bajrova 1965: A. Mazon, M. Filipova-Bajrova, *Documents slaves de l’Albanie du sud. II. Pièces complémentaires*, Paris 1965 (= Bibliothèque d’études Balkaniques VIII).
- Newmark 1998: L. Newmark, *Albanian-English Dictionary*, Oxford 1998.
- Newmark et al. 1982: L. Newmark, P. Hubbard, P. Prifti, *Standard Albanian: A Reference Grammar for Students*, Stanford 1982.
- Steinke, Ylli 2007: K. Steinke, Xh. Ylli, *Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. Prespa – Vërnik – Boboshtica*, München 2007.
- Strömqvist, Verhoeven 2004: S. Strömqvist, L. Verhoeven (eds.), *Relating Events in Narrative. Volume 2: Typological and Contextual Perspectives*, London 2004.
- Thomason, Kaufman 1988: S. Thomason, T. Kaufman, *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*, Berkeley etc. 1988.
- ***
- АНК 2016: М.С. Морозова, А.Ю. Русаков, Т.А. Архангельский, *Албанский национальный корпус* (версия 2011-2016 гг., электронный ресурс, дата обращения 01.03.2021). <<http://web-corpora.net/AlbanianCorpus>>.
- БЕР IV 1995: В.И. Георгиев, И. Дуриданов (науч. ред.), В. Анастасов, Л. Димитрова-Тодорова, У. Дукова, Й.Н. Иванов, Д. Михайлова, О. Младенова, М. Рачева, Г. Риков, Т.А. Тодоров (автори), *Български етимологичен речник, Т. IV (минго² – падам)*, София 1995.
- Видоески 1998: Б. Видоески, *Дијалектите на македонскиот јазик, Т. 1*, Скопје 1988.
- Калнынь 1973: Л.Э. Калнынь, *Опыт моделирования системы украинского диалектного языка*, Москва 1973.
- Кочева 2016: А. Кочева, *Диалектна делитба на българския език, отразена в най-новата карта на Института за български език*, “Български език и литература” 58 (5), 2016, 531-541.

- Макарцев 2011: М.М. Макарцев, *Проблема идентичности и система ценностей у носителей славянского говора in statu toriendi*, в: И.А. Седакова (Отв. ред.), *Эволюция ценностей в языках и культурах*, Москва 2011, 151-168.
- Соболев 2011: А.Н. Соболев, *Антибалканизмы*, “*Јужнословенски филолог*”, 67, 185-195.

Информанты

- EM ж., 1935–2020, род. и прожила всю жизнь в Бобоштице, закончила педагогическое училище, преподавала албанский язык в начальной школе. Запись 15.09.2013.
- IK м., 1925–2016, род. в Бобоштице. Закончил Карлов университет в Праге, работал инженером, жил в Бобоштице и Корче. Запись 19.09.2014.
- MM [исследователь], м., род. в 1984 в Москве.
- MMI [исследовательница] ж., род. в 1990 в Софии.
- RM м., род. в 1934 в Дренове. Закончил Университет Тираны, работал учителем в средней школе в Корче и окружным школьным инспектором. Живет в Корче. Запись 14.09.2013.
- SB м., 1929–2019, род. в Бобоштице, закончил педагогическое училище, работал в Бобоштице учителем математики. Запись 25.07.2016.
- ViM ж., род. в 1927 в Дренове. Живет в Корче. Запись 24–25.07.2016.
- VsM м., род. в 1922 в Дренове. Живет в Корче. Запись 03.09.2016.

Abstract

Maxim Makartsev

Verbal aspect in the Macedonian dialect of Boboshtica-Drenova and Albanian-Slavic language contact

Long-term subdominant bilingualism with Albanian has had a significant impact on verbal aspect marking in the Macedonian dialect of Boboshtica-Drenova (South-East Albania). The Slavic formal opposition of perfective and imperfective aspect marked through a variety of derivational methods has been preserved. However, under Albanian influence two continuous aspect constructions have been grammaticalised in the dialect, one of them based on the locative *ѓе*, and the other on the adversative conjunction *токо*. The paths of grammaticalization of these markers are investigated, which include structural transfer (*ѓе* < locative and temporal *тек*, *токо* < adversative and continuous *по*),

which is partially supported by the phonetic similarity between the respective Albanian and Macedonian dialectal markers (*toko* || *duke*, *tek*).

Keywords: Balkan linguistics, language contact, Slavic dialects of Albania, south-eastern Macedonian dialects, verbal aspect